

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лондон, 6 апреля 1812 года

Она стояла на пороге бального зала в доме своей тети и пыталась унять волнение, медленно делая глубокие вдохи. Не шесть балов, на которых она побывала за десять лет, но всякий раз ее охватывал трепет и ожидание чуда — быть может, именно сегодня череда однообразных событий будет волшебным образом прервана. Яркие наряды замужних барышень радовали глаз, но ей, похоже, суждено было всю жизнь носить скромное платье дебютантки¹.

Чилтон, дворецкий тетушки, распахнул перед ней большую двустворчатую дверь.

— Леди Мадлен Вильян! — объявил он.

Никто из гостей даже не взглянул в ее сторону. Да и зачем? Вот уже восемнадцать лет, с того злополучного лета, когда умерли ее родители, она жила с тетей. Светское общество давно перестало замечать ее в Солфорд Хаузе. Сегодня блистательные гости не выказали ни малейшего интереса к ее персоне, а вот вчера иная публика и в иных обстоятельствах буквально не сводила с нее восхищенных глаз. Этот контраст ранил. Окинув скучающими взглядами ее платье из белого муслина и каштановые пряди, выбившиеся из-под чепца, господа больше не смотрели в ее сторону. Вчера же,

¹ По этикету дама, впервые выходящая в свет, должна была надеть белое, серое или пастельных тонов платье. (Здесь и далее примеч. пер.)

вырядившись в бриджи и светлый парик, она срывала аплодисменты толпы.

Пока она спускалась по широкой лестнице, с ее губ не сходила легкая улыбка. У тети Августы она прошла хорошую школу и научилась ни словом, ни жестом не выдавать своего разочарования. Похоже, этот бал будет таким же скучным, как и все предыдущие. У подножия лестницы тетя Августа и кузен Мадлен Александр Стонтон, граф Солфордский, принимали знаки внимания всех, кто желал выразить им свое почтение. Таких оказалось немало, и у Мадлен было достаточно времени, чтобы придать улыбке немного грусти, как того требовал случай.

— Дорогая, как ваше самочувствие? — спросила Августа, увидев племянницу.

— Неплохо, тетушка, — не забыв придать голосу томности, ответила Мадлен.

Две недели она симулировала недомогание, а на этой неделе запланировала «рецидив», но не такой серьезный, чтобы пропустить открытие сезона. Бал начался час назад, но Мадлен, сославшись на слабость, спустилась только сейчас, сокращая, пусть ненадолго, время скуки и позора.

Августа нахмурилась.

— Вам следует уйти пораньше. Не беспокойтесь, никто этого не заметит, вас не осудят.

Мадлен вздрогнула. Слова тетушки были как острые ножи, хотя у нее, разумеется, и в мыслях не было чем-то обидеть ее. Мадлен мысленно одернула себя. Этот вечер ничем не отличался от остальных. Пусть салонное общество и относилось к ней прохладно, тетя, кузен и кузина любили ее. А неприметность стала ее союзницей и давала свободу делать то, о чем салонные красавицы не смели даже и думать. Она должна благодарить судьбу за такую возможность. Поэтому, лучезарно улыбнувшись, она произнесла самым беззаботным тоном:

— Бал не лучшее ли лекарство? Я чувствую себя практически здоровой!

— Не слишком надейтесь на балы, сестрица, — сказал Алекс. — Увеселения еще никому не прибавляли здоровья.

Алекс, еще одна жертва тетушкиных амбиций и матримониальных планов, заговорщически подмигнул ей. Ему в последнее время все чаще приходилось сбегать в клуб, чтобы переждать там очередной поразивший Августу приступ сватовства. Наверное, он с удовольствием покинул бы Лондон, если бы не титул, унаследованный после смерти отца.

Мадлен ответила ему улыбкой.

— Всегда что-то случается в первый раз. Пожалуй, только балы тети Августы обладают волшебной силой исцелять нас от недугов.

Августа вздохнула.

— Александр, Мадлен, сделайте милость, ведите себя достойно. Мне неловко говорить об этом, но, моя дорогая, рассеянность, которая вас явно одолевает, — вовсе не болезнь.

— Разве? — удивилась Мадлен.

— Меня сложно обмануть, дорогая. Врачи говорят, что со здоровьем у вас все в порядке. Вы просто поглощены своими мыслями и не замечаете ничего вокруг: в точности, как моя сестра перед тем, как вышла замуж за французского маркиза.

Красивые черты тетушки исказились, около губ легли глубокие складки. Ей было немного за пятьдесят, но даже в этом возрасте она сохранила привлекательность. Белокурая, с ясными голубыми глазами, она была увядающей копией собственной дочери, Эмили. Лета сделали взгляд тетушки пронизательным и мудрым. Но сегодня она допустила редкую бестактность — упомянула мать Мадлен.

Мадлен смолчала и, воспользовавшись первым же удобным случаем, сбежала от Августы и сочувствующих взглядов Алекса. Маленькое приключение, которое две недели радовало ее,

вызвало поток лжи, отчего на душе было беспокойно. Хорошо, что Себастьян, младший брат Алекса, был на Бермудах. В его сердце пылал такой же бунтарский огонь, и она от него обычно ничего не скрывала. Но даже он пришел бы в ужас, узнав, что она выступала на театральных подмостках. Если ее уличат в этом, разразится грандиозный скандал, так что, кроме Эмили, никто ничего не должен знать.

В дальнем углу Мадлен опустилась на стул, заново обитый зеленым бархатом в тон роскошным портьерам. Тетя Августа не поскупилась на новый декор, превративший бальный зал в подобие фантастического леса, наполненного волшебным пением оркестра и светлячками сотен свечей. Хорошо, что она позаботилась и о стульях. В прошлый раз Мадлен пришлось провести весь вечер на ногах, и она в конце концов измучилась. Едва устроившись, она оказалась в компании Пруденс, вид которой словно свидетельствовал о неимоверных усилиях, которых ей стоило лавирование между танцующими парами.

— Думаешь, тетушка Августа ради нас распорядилась насчет стульев? — спросила Мадлен.

Дамы были близкими подругами и наедине предпочитали обходиться без церемоний. Пруденс шутливо отмахнулась веером:

— Ты ни за что не догадаешься, кто сейчас стоит в фойе.

Мадлен рассмеялась. В их маленькой компании Пруденс Этчингем слыла педанткой, но кроме милого буквоедства ей была свойственна неумная тяга к приключениям и тайнам, разумеется, хранимая в строгом секрете от сварливой матери.

— Наполеон?

— Не угадала.

Мадлен была бы не прочь увидеться с узурпатором, как и подавляющее большинство гостей. Коллективное избиение Наполеона — если бы тетя Августа сумела организовать столь изысканный аттракцион, то прославилась бы как лучшая устро-

ительница балов во всем Лондоне. Это, правда, не вернуло бы Мадлен ни родителей, ни ее счастливого детства во Франции. Тем временем тишина волной скатилась с лестницы и мгновенно затопила весь зал. Взоры сами собой обратились к входу.

Чилтон с необычной для него помпой объявил:

— Ее светлость герцогиня Харвич! Его светлость герцог Ротвел!

Звону его слов вторил только звон разбитого бокала, прозвучавший в тишине особенно громко. У этой пары не было ни единого шанса появиться так же незаметно, как Мадлен. Ротвел, унаследовав титул, вернулся в Лондон. Третий сын герцога Ротвельского, непутевый и склонный к скандальным историям, десять лет назад он был известен в свете как Фергюсон. Теперь ходили разные слухи о загадочных обстоятельствах, бросивших герцогство к его ногам. Это была настоящая сенсация.

— Я слышала, что он будто бы сошел с ума, — шепнула Мадлен.

Пруденс покачала головой.

— А я слышала, что у него сифилис! Но выглядит он вполне здоровым.

— Пруденс, опасно доверять внешности. Он может внезапно обезуметь. Удивительно: его братья всегда отличались кротким нравом. Но почему он выбрал наш бал для первого выхода в свет? — спросила Мадлен, наблюдая за тем, как герцог здоровается с Августой. — Слышала, он прибыл в Лондон позавчера. Тетя Августа не настолько влиятельна, чтобы так стремиться попасть на ее прием.

— Возможно, он ждал, пока луна станет убывать, — Пруденс хихикнула, довольная своим остроумием.

Мадлен подавила смешок. Волосы Ротвела действительно были дьявольского, темно-рыжего цвета. Софрония, герцогиня Харвич, приходилась ему теткой по отцовской линии. Она